

История сельского доктора
Фотографии Жана Мора
Предисловие Гэвина Фрэнсиса

Джон Счастливыи Бёрджер человек

Джон Бёрджер

**Счастливый человек.
История сельского доктора**

«Ад Маргинем Пресс»

1967

УДК 821.111-4+128
ББК 84(4Вел)-46+87

Бёрджер Д.

Счастливый человек. История сельского доктора / Д. Бёрджер —
«Ад Маргинем Пресс», 1967

ISBN 978-5-91103-713-0

Впервые опубликованное в 1967 году художественное исследование жизни врача из сельской местности Глостершира — шедевр документальной прозы. Это совместная работа, в которой текст лауреата Букеровской премии Джона Бёрджера (1926-2017) сочетается с фотографиями швейцарского документалиста Жана Мора (1925-2018) в серии превосходных аналитических, социологических и философских размышлений о роли врача, о корнях культурной и интеллектуальной депривации и о мотивах, которые лежат в основе деятельности «земского доктора». Ставшее для своего времени революционным и актуальное спустя полвека эссе служит памятником практически забытой медицинской практики, свободной от коммерциализации болезни и обезличивания пациента, где врача, стремящегося заглянуть в душу больного, чтобы понять и облегчить его страдания, можно назвать «счастливым человеком». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-4+128

ББК 84(4Вел)-46+87

ISBN 978-5-91103-713-0

© Бёрджер Д., 1967

© Ад Маргинем Пресс, 1967

Содержание

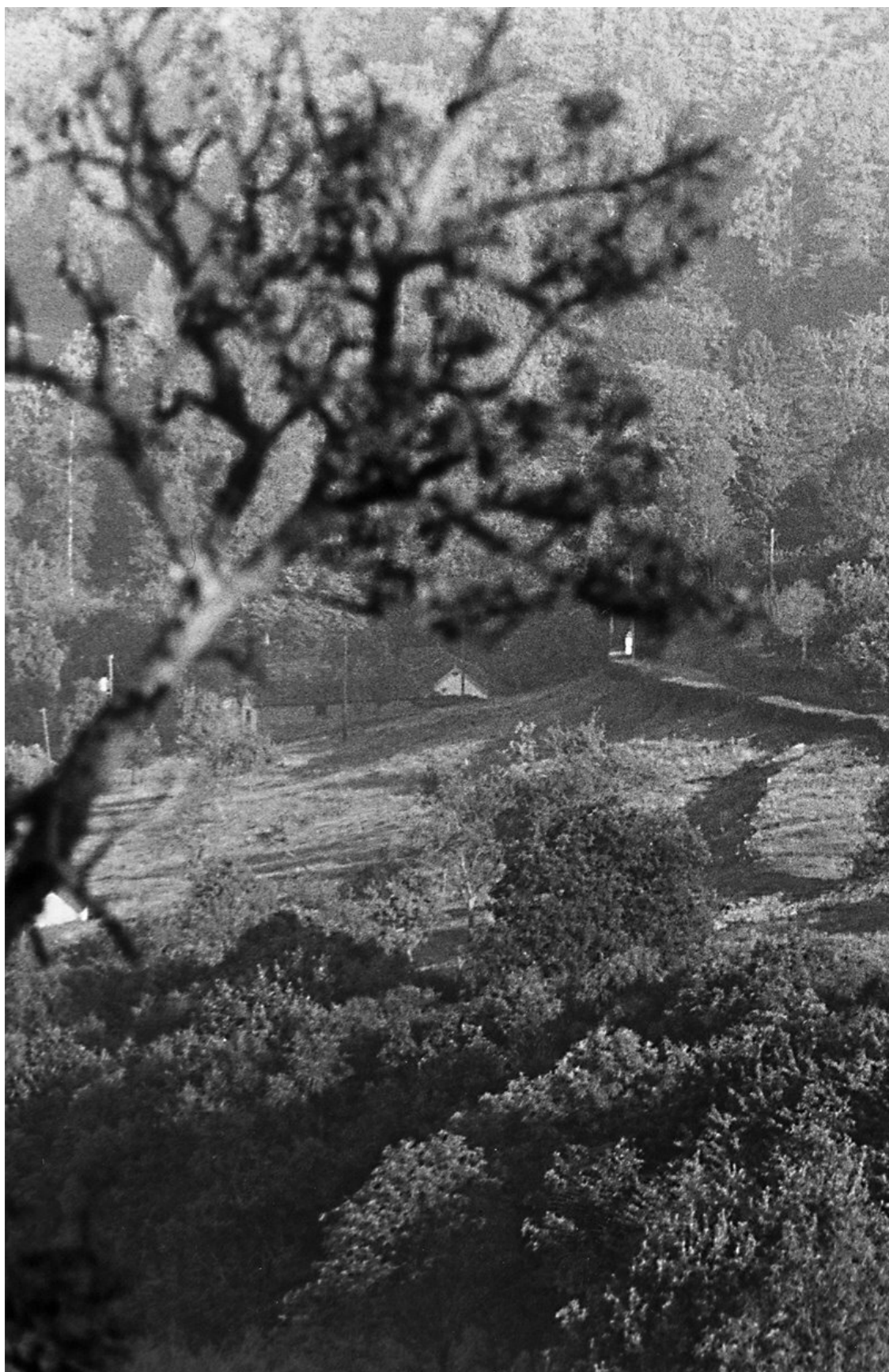
Предисловие	8
Счастливый человек	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джон Бёрджер
Счастливый человек.
История сельского доктора

© John Berger, 1967 and John Berger Estate; Jean Mohr and Heirs of Jean Mohr.

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2023

*Посвящаю
Джону и Бетти,
которых эта книга касается напрямую,
и Филипу О'Коннору
за те письма, что он присылал, пока я писал.*
Дж. Б.

Предисловие

«Счастливый человек» – трогательная книга и свидетельство того, что может произойти, когда писатели и фотографы, такие же проникательные, как Джон Бёрджер и Жан Мор, обращают свой взгляд на врача за работой. Герой книги Джон Сассолл был глубоко предан своему врачебному предназначению и самоосмыслению себя как личности. В результате получилось прекрасное наблюдение; трехстороннее размышление о человечестве, обществе и цене исцеления.

Когда Бёрджера спрашивали, как относиться к его произведениям, он отвечал: «Я рассказчик историй». «Даже когда я пишу об искусстве, – говорил он в 1984 году, – то рассказываю истории, рассказчик теряет индивидуальность и открывается жизни других людей»¹. Когда я встретился с Бёрджером и спросил, как они с Мором создали «Счастливого человека», он поведал мне историю.

Всё началось в Лондоне в начале 1950-х годов, когда Бёрджер вел колонку об искусстве в *New Statesman*. Он писал необычные эссе и рецензии, вызывающие споры; ему приходилось бороться, чтобы сохранить работу. «Нам прислали замечательное произведение индийского писателя по имени Виктор Анант под названием „Английское Рождество“. На конверте был обратный адрес: „Отдел утерянных вещей, Паддингтонский вокзал“. Я вскочил на мотоцикл и поехал на встречу. Анант недавно прибыл из Бомбея, и это была первая работа, которую он получил».

Анант, как и Бёрджер, не любил власти; в Индии он сидел в британской тюрьме. Мужчины подружились, и несколько лет спустя, когда Бёрджер поселился в сельском Глостершире, Анант и его жена-пакистанка тоже решили найти там жилье. Объектом исследования «Счастливого человека» стал Джон Сассолл, врач общей практики, в одиночку работавший в Глостершире и оказывавший там консультации, в том числе и этим новым жителям.

«Я подружился с Сассоллом после того, как сходил к нему на консультацию по поводу некоторых незначительных проблем со здоровьем, – объяснял Бёрджер. – Он подлечил меня, и мы стали друзьями. Я регулярно встречался с ним и с Анантом, чтобы поиграть в бридж». Оба писателя признавали, что Сассолл был очень необычной личностью: выдающимся врачом и энтузиастом немодного тогда идеала – мечты эпохи Ренессанса о стремлении к универсальным знаниям и опыту. Несмотря на то что их жизни были совсем непохожи, они почувствовали – Сассолл, ежедневно соперничавший другим, подошел к достижению этого идеала ближе, чем кто-либо и когда-либо.

В середине 1960-х годов Бёрджер переехал в Женеву, но он, как и Анант, поддерживал связь с Сассоллом. Однажды Анант предложил Бёрджеру написать книгу об их общем друге, его медицинской практике и стремлении к универсальности. Бёрджер вспоминал: «Знаете, это действительно замечательный человек, – сказал Анант, – но однажды никто о нем не вспомнит. Конечно, его добрые дела никуда не денутся, но, если вы не напишете о нем, особенности его биографии и жизненной позиции могут не сохраниться».

Жан Мор в те годы тоже жил в Женеве; он был фотожурналистом Красного Креста и ООН, создал проект о документации жизни палестинских беженцев. «Жан великий фотограф, – сказал Бёрджер, – совершенно незаметный, сливающийся с фоном, как подставка для лампы, идеальный человек, чтобы присутствовать при медицинских консультациях». Сассолл пригласил Бёрджера и Мора пожить в его семье шесть недель и, с разрешения пациентов, присоединяться к нему днем и ночью в клинике, а также во время экстренных вызовов.

¹ Из интервью с Джеффом Дайером в журнале *Marxism today*, декабрь 1984. – Здесь и далее цифрами обозначены примечания автора, а asterисками – примечания редактора.

Вернувшись в Женеву, они месяц работали независимо друг от друга. Бёрджер вспоминал, что текст писался довольно быстро. «Когда мы снова встретились и сравнили написанное мной с фотографиями, отобранными Жаном, обнаружилось, что мы словно копировали друг друга. Сделанное нами было идентичным, будто мой текст – серия подписей к его изображениям. Мы написали одну и ту же книгу. И это совсем не то, чего мне хотелось, поэтому мы переработали всё так, чтобы слова и изображения напоминали разговор; поддерживали, а не зеркально отражали друг друга. Сассолл проверил рукопись и внес несколько незначительных исправлений – поправил медицинскую терминологию, добавил технические комментарии и тому подобное, – но в целом остался доволен. В апреле 1967 года книга была опубликована.

The Guardian

поместила рецензию на «Счастливого человека» Тома Машлера, знаменитого редактора *Jonathan Cape*, между фотографией вьетнамского младенца, изуродованного напалмом, и рекламой шерстяных мини-платьев. «Прекрасная книга, – отмечает Машлер, – Джон Бёрджер пишет со страстью, с напряжением, на которое способны немногие писатели». Он был особенно очарован тем, как Сассолл, изображенный Бёрджером, обладая ненасытным аппетитом к человеческому опыту, проникает посредством воображения в мысли пациентов. В заключение он выразил сожаление, которое испытали и другие рецензенты, сталкиваясь с такой пронизательной и новаторской работой, но лишь ему хватило смелости сказать: «Хотелось бы отдать должное богатству языка, которое делает книгу такой неотразимой».

Филип Тойнби, написавший в *Observer* рецензию, назвал книгу «серией блестящих зарисовок, подлинным *tour de force*, а замечательные фотографии сельской местности и ее жителей соответствующими тексту и освещающими его с необыкновенной степенью соучаствующего понимания». У Тойнби были достаточные основания подтвердить точность изображения доктора: так получилось, что герой книги был его личным врачом ². «Сассолл на страницах книги – как в тексте, так и на фотографиях – действительно тот человек, которого я знал, любил и которым восхищался в течение нескольких лет. Но здесь он больше, чем знакомый, и не потому, что Бёрджер его романтизировал или увеличил масштаб его фигуры, а потому, что Бёрджер узнал Сассолла лучше и воспринял глубже».

«Счастливого человека» – памятник не только исключительной личности, но и той врачебной практике, которая почти исчезла. Подход Сассолла к своей работе всепоглощающий. В сегодняшней культуре с инструкциями по формированию рабочего времени и коммерциализацией болезней подобное почти невозможно. Сассолл заключил фаустовский договор: он был вознагражден бесконечными возможностями для исследования человеческой жизни, но ценой тому было огромное, порой невыносимое давление. Это видно в эпизодах глубокой депрессии, в периодах, когда он переполнен «страданиями пациентов и его собственным чувством неполноценности».

Книга открывается серией «тематических исследований», хотя термин слишком клинический и не отражает ни эмоциональную тонкость словесных зарисовок Бёрджера, ни многогранную отзывчивость Сассолла. Эта череда сменяющих друг друга ситуаций, в которые Сассолл ежедневно попадает, знакома любому врачу и подчеркивает необычайную преданность Сассолла больным. Эти ситуации повествуют о проблемах пациентов и демонстрируют сильное влияние ландшафта как на сообщество, так и на сами истории. Как пишет Бёрджер в начале книги: «Иногда ландшафт – это не столько декорация для жизни его обитателей, сколько занавес, за которым происходят их сражения, достижения и несчастья». В рамках этого ландшафта сообщество воспринимает Сассолла как делопроизводителя; фигуру, которой они рассказывают истории: «Он ведет их [записи], чтобы время от времени люди могли с ними сверяться».

² Бёрджер называет Тойнби единственным человеком в округе, чей образ мысли сопоставим с мышлением Сассолла: «Но этот человек – писатель и затворник».

Бёрджер и Мор следуют за Сассоллом по этим параллельным мирам – физическому ландшафту сельской Англии и метафорическому ландшафту жизни пациентов, – подводя текст и изображения к превосходным аналитическим, социологическим и философским размышлениям о роли врача, о корнях культурной и интеллектуальной депривации и к тому, что же движет Сассоллом как личностью. Раскрываются моральные аспекты медицинской практики и риски, которым подвергаются врачи вроде Сассолла, и то, как отождествляют они себя со страдающими от психической и физической боли. Миф о Фаусте, жизнь Парацельса, книги Конрада и мечта об универсальности рассматриваются с точки зрения того, как они высвечивают различные аспекты мотивации Сассолла. Его сравнивают с Великим мореплавателем Конрада, который намеревался обогнуть не земной шар, а совокупность всего человеческого опыта.

В конце книги Бёрджер пытается оценить вклад Сассолла, но обнаруживает, что не может этого сделать. Общество, которое не знает, как ценить человеческие жизни, не может адекватно оценить облегчение чьей-то боли. «Какова социальная ценность облегчения боли? – вопрошал Бёрджер. – Какова ценность спасенной жизни? Как лекарство от серьезной болезни может сравниться по ценности с одним из лучших стихотворений малоизвестного поэта? Как постановка правильного, но чрезвычайно сложного диагноза соотносится с написанием великолепного полотна?» Абсурдность вопросов показывает неумение оценивать не только искусство, но и жизнь.

Через несколько лет после публикации Бёрджер переехал в Верхнюю Савойю, отдаленный альпийский район на юго-востоке Франции, недалеко от швейцарской и итальянской границ, чтобы жить среди людей, обрабатывающих землю. «Я не учился в университете, – сказал он мне, – моими профессорами были крестьяне». Как и Сассолл в сельской местности Глостершира, Бёрджер стал делопроизводителем для местных. Он изложил размышления об этом в трилогии «Их труды», а также в «Седьмом человеке», исследовании – снова проведенном вместе с Мором – эксплуатации труда крестьян-мигрантов в Европе. В роли рассказчика Бёрджер утрачивает свою идентичность по отношению к объекту и читателю, так же, как Сассолл стремился утратить идентичность по отношению к пациентам. Его оценка Сассолла означает оценку собственной жизни и творчества: «Как художник или любой другой, кто верит, будто работа человека оправдывает его жизнь, Сассолл – по жалким стандартам нашего общества – счастливый человек».

В 1970-х годах жена Сассолла скоропостижно умерла. В конце своей рецензии для *Observer* Филип Тойнби признается, что повздорил с Бёрджером из-за ее отсутствия в повествовании, а ведь книга частично посвящена ей: «...этот измученный и преследуемый болью человек давно бы рухнул и, возможно, не смог бы подняться вновь, если бы не жена». Тойнби писал: «Ее роль столь же архетипична, как и его». После ее смерти Сассолл оставил практику в Глостершире и некоторое время путешествовал по Китаю, изучая обычаи «босоногих врачей», на работе которых тогда зиждилась вся медицина в сельских местностях Китая. Смерть Сассолла в 1982 году, о которой упоминает в постскрипуме Бёрджер, делает жизнь доктора еще более загадочной. Внимательное прочтение «Счастливого человека» выявляет парадоксальность названия книги; она о человеке, его открытости миру, ставшей, возможно, причиной его гибели.

«Счастливому человеку» больше пятидесяти лет, но он остается свежим и актуальным; это напоминание как врачам, так и пациентам о сути медицинской практики, о различии между исцелением и медикаментозным лечением. Стремление Сассолла к универсальности вызывает резонанс и восхищение. Как в любой великой работе, в «Счастливом человеке» содержится многое: прославление медицины, которую мы почти утратили ³, новаторская фотодокумента-

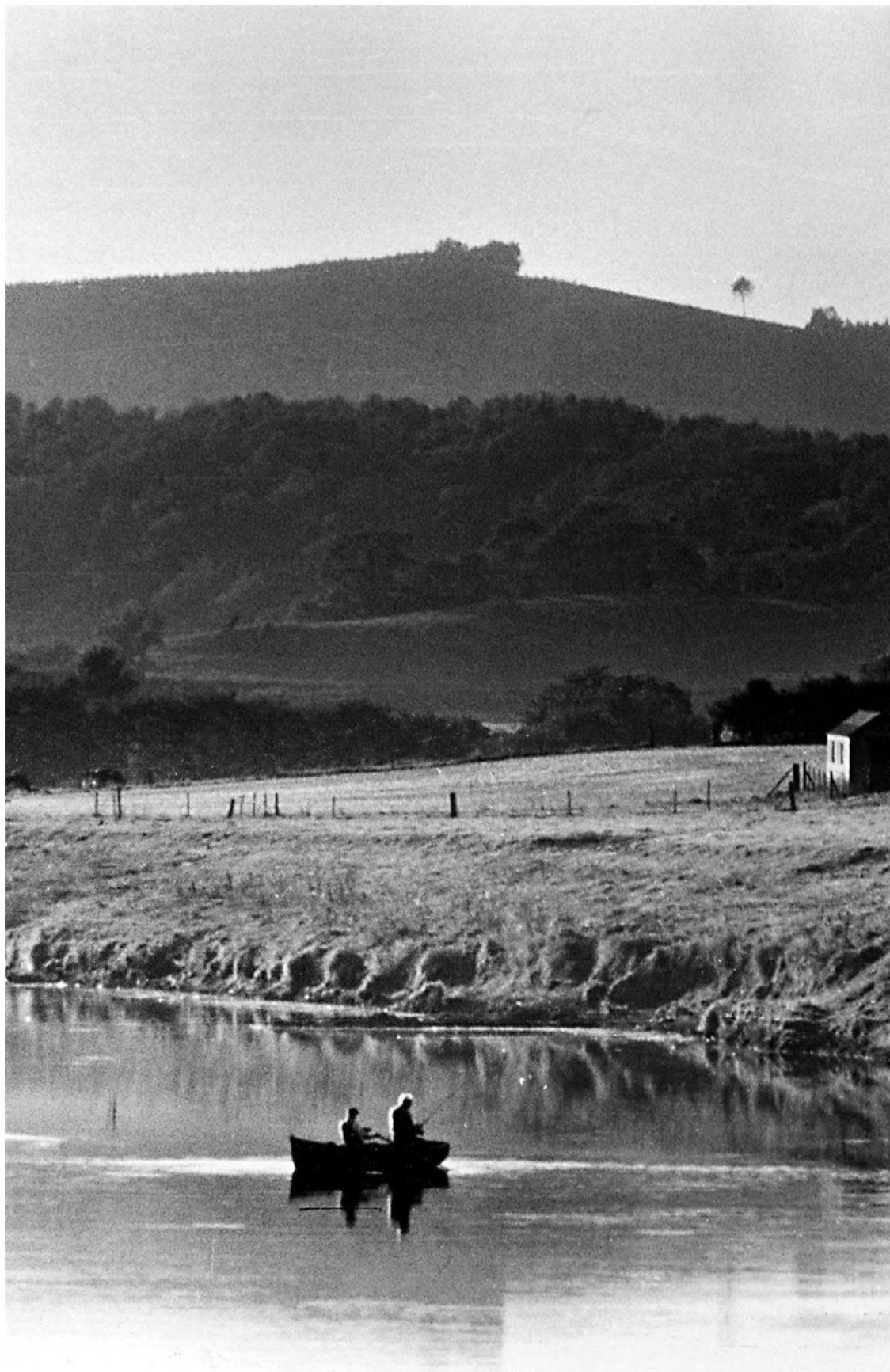
³ В 1960-х годах Сассолл мог лечить так, как ему хотелось, только переехав в отдаленную долину в Глостершире. До сих

ция, литературная и фотографическая работа непреходящей красоты и исследование личности, стремившейся к недостижимому идеалу. Сассолл стремился понять, что значит быть человеком, а медицина служила средством для достижения этой цели. Мою собственную работу врача общей практики его доброта и творческое сопереживание вдохновляют, но в то же время они служат предупреждением и показывают, что происходит, когда границы между врачом и его пациентами начинают рушиться.

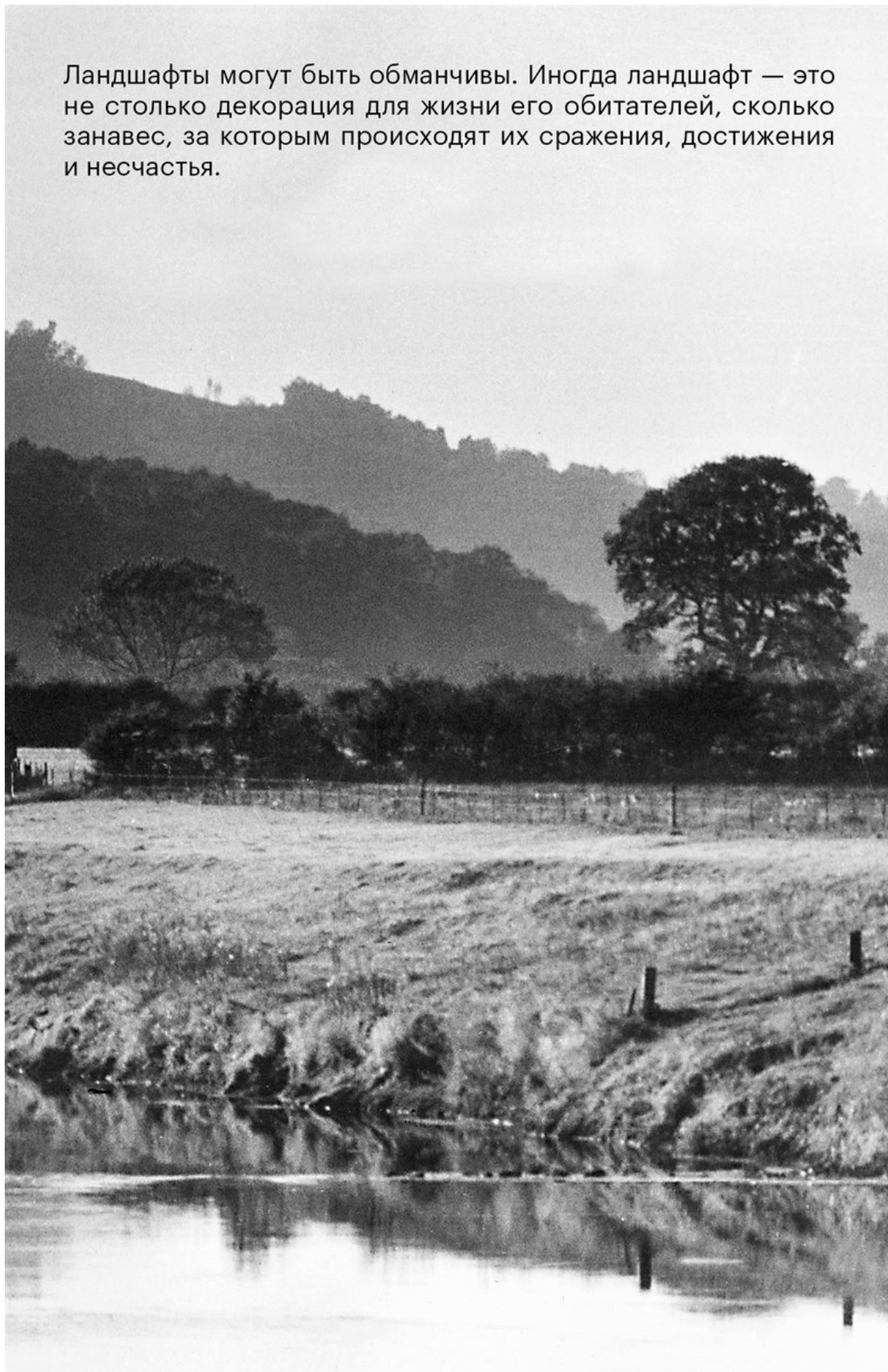
Пытаясь оценить качества Сассолла как врача, Бёрджер писал: «Его считают хорошим врачом, потому что его труд отвечает глубинным, но не сформулированным ожиданиям больных, желающих братского отношения». Это стремление к чувству братства редко выражалось так красиво. Еще в 1967 году Том Машлер завершил рецензию на «Счастливого человека» в *The Guardian*, написав просто: «Я благодарен за всё». Я тоже благодарен: Виктору Ананту за идею книги, Джону Бёрджеру и Жану Мору за создание шедевра и, конечно, Сассоллу и его семье за то, что позволили изложить интимные подробности его жизни и взглядов. Надеюсь, и другие читатели испытают схожие чувства.

Гэвин Фрэнсис

Счастливый человек

Ландшафты могут быть обманчивы. Иногда ландшафт — это не столько декорация для жизни его обитателей, сколько занавес, за которым происходят их сражения, достижения и несчастья.

Для тех, кто вместе с местными жителями находится за кулисами, ориентиры перестают быть только географическими, а в большей степени становятся биографическими и личностными.

Кто-то крикнул: «Берегись!» – но было слишком поздно. Листья коснулись его почти нежно. Ветви заключили в клетку. А потом дерево и холм раздавили его.

Мужчина, задыхаясь, сказал, что дровосек оказался в ловушке под деревом. Доктор попросил диспетчера выяснить, где именно; затем, прервав ее, сам взял трубку и заговорил. Он должен знать, где именно это произошло. Какие ворота на ближайших полях? Кто владелец полей? Ему понадобятся носилки. Его собственные носилки остались накануне в больнице. Он приказал диспетчеру немедленно вызвать скорую помощь и велел им ждать у моста, который был ближайшим ориентиром на дороге. В гараже его дома лежала старая дверь, сорванная с петель. Плазма крови из аптеки, дверь из гаража. Проезжая по переулкам, он всё время держал большой палец на клаксоне, отчасти для того, чтобы предупредить встречное движение, отчасти для того, чтобы человек под деревом мог услышать, что доктор уже едет.

Минут через пять он свернул с дороги, поехал в гору и оказался в тумане. Как часто бывает с туманом над рекой, он был белым, непроглядным и лишал всяких представлений о весе и плотности. Доктору пришлось дважды останавливаться, чтобы открыть ворота. Третьи были уже приоткрыты, поэтому он проехал, не останавливаясь. Створки распахнулись и затем ударили по задней части «Ленд Ровера». Несколько испуганных овец появились и снова исчезли в тумане. Всё это время он держал большой палец на клаксоне, чтобы дровосек его слышал. Пересек еще одно поле и увидел фигуру человека, окутанного туманом и махавшего рукой так, будто протирал огромное запотевшее окно.

Когда врач добрался до него, мужчина сказал: «Он кричит без остановки. Он ужасно страдает, доктор». Позже тот человек расскажет эту историю много раз, а первый – сегодня вечером в деревне. Но на данный момент случившееся еще не стало историей. Появление врача значительно приблизило ее окончание, но у самого несчастного случая пока нет конца: раненый продолжал кричать на других мужчин, вбивавших клинья, чтобы поднять дерево.

«Боже, оставь меня одного!» Когда он прокричал «одного», доктор был уже рядом. Глаза у раненого сфокусировались, и он узнал врача. Для пострадавшего развязка была близко, это придало ему смелости, и он затих. Внезапно наступила тишина. Мужчины перестали стучать молотками, но продолжали стоять на коленях. Они посмотрели на доктора. Его руки чувствовали себя как дома на чужом теле. Даже эти новые раны, которых не было двадцать минут назад, были ему знакомы. Оказавшись рядом с женщиной, он через несколько секунд ввел ему морфий. Собравшиеся почувствовали облегчение от присутствия доктора. Но теперь его уверенность заставляла их думать, что он стал частью трагедии: почти соучастником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.